

Марина
СЕРОВА

Уйти,
НЕ ОСТАВИВ
СЛЕДОВ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Уйти, не оставив следов

«Научная книга»

2014

Серова М. С.

Уйти, не оставив следов / М. С. Серова — «Научная книга»,
2014 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-76479-2

Профессионального телохранителя Евгению Охотникову в спешном порядке вызвал в Англию Майк, муж ее лучшей подруги Ольги. Девушки вместе учились в военном училище, так называемой «Ворошиловке». И если для боевой Жени это было самое подходящее место, то совершенно непонятно, что там делала мягкая, добрая и женственная Оля. После завершения учебы она быстро вышла замуж, уехала в Англию и родила двоих детей. И вот теперь ее обвиняют в убийстве свекрови Мари, с которой у них сложились прекрасные отношения! Женя уверена: Оля не могла совершить ничего подобного. Она без проблем вытащила подругу из тюрьмы, однако странные провалы в памяти Ольги, непрерывная слежка за девушками да еще легенда о старинной фамильной драгоценности семьи Майка заставили Евгению взяться за расследование этого дела...

ISBN 978-5-699-76479-2

© Серова М. С., 2014
© Научная книга, 2014

Марина Серова

Уйти, не оставив следов

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Тихим субботним вечером я уютно устроилась у домашнего компьютера. Пару дней назад соседский мальчишка попросил помощи в освоении новой игры. Эта стратегия вышла пока только в английской версии, и у ребят возникли трудности с переводом некоторых настроек и фраз, что выкрикивают герои. Суть игры – в сражении команды из пяти игроков против пяти игроков-соперников. Нужно защищать свою территорию с охранными башнями, временно уничтожая башни врагов. Неожиданно я увлеклась игрушкой, даже подсказала мальчишкам простой, но результативный ход: поддерживать постоянную связь в скайпе, чтобы иметь возможность координировать действия своих героев в обход соперников. В благодарность мальчишки пригласили меня в свою пятерку. Вскорости мы отлично сыгрались и побеждали всякий раз, молниеносно вынося «крепов» и башни противника.

За этим увлекательным занятием меня и застал неожиданно явившийся в гости Генка. Сквозь шум компьютерной битвы и вопли мальчишек мой слух уловил суету и топот в коридоре. Я немного сдвинула наушник, настороженно прислушалась.

– Пугает меня это новое увлечение, – торопливо шептала тетя Мила, – сидит сутками, по экрану бегают рожи страшные, вопят, стреляют. А однажды они связь громкую включили. Ужас какой, свист, треск, грохот, все орут и слова-то какие странные выкрикивают. Тарабарщина, в общем. Слушай, Геночка, я переживаю, может, это секта какая-то новая? А что, слышала, от компьютерной зависимости лечат даже.

– Разберемся, – тактично крикнул Генка и шагнул через порог в мою комнату.

– До зависимости мне далеко, – с улыбкой кивнула я на немой вопрос приятеля, – так, легкое увлечение. Нам осталось две башни снести, внизу, потом прервемся. Подождешь?

– Конечно. – Генка уселся в кресле, демонстративно схватил дамский журнал, лежащий на тумбочке. – Ты на меня не обращай внимания.

– Это быстро, – утешила я.

Приятель усиленно делал вид, что листает журнал, на самом деле он настороженно приглядывался ко мне, думая, что я, увлеченная игрой, ничего вокруг не замечаю.

Наконец схватка завершилась, я поздравила своих соратников с победой и попрощалась до следующего раза, сославшись на дела.

– Привет, – запоздало поздоровалась я, – девятый раз подряд выигрываем, между прочим.

– Привет, подруга. Тетя Мила переживает.

– Уже слышала. Это она тебя вызвала? Прости, увлеклась немного, не заметила, что тетушка вся в терзаниях пребывает и опасениях.

– Нет, я заехал тебя в кафе пригласить. Мы с ребятами хотели отметить наступающий Международный женский день.

– Хорошему празднику заранее рад? Сегодня только пятое марта.

– Неизвестно, как там дальше со временем будет, а сегодня все свободны. Заодно отметим успешное завершение дела.

После появления в Тарасове Геннадия Петрова, полковника полиции и моего давнего приятеля, жизнь частного телохранителя Евгении Охотниковой значительно упростилась. По

крайней мере, наши доблестные полицейские перестали видеть в моей особе личного врага и вставлять палки в колеса при каждом удобном случае. А недавно я даже участвовала в разработке полицией крупной международной банды, вернее практически все свелось к охране главного свидетеля. Тарасовские полицейские провели несколько успешных близоопераций, задержаний в сотрудничестве с Интерполом, – я в нашей компании была чем-то вроде свадебного генерала.

Сейчас моя роль в нем называется «Приглашенная звезда». Так звучит пикантней. Но сути не меняет. Хотя я совершенно лишена чувства зависти и если не имею права разделить успех, то всегда готова поздравить с ним друзей.

– Не скромничай, это общий успех. Все прошло хорошо, суд состоялся, свидетельница дала показания, подследственные получили приличные сроки, несмотря на усилия дорогих адвокатов.

– Ты прав, без сомнения, это успех, пойдем праздновать.

Я, задорно поглядывая на приятеля, метнулась в гардеробную, быстренько переоделась, привела макияж и прическу в порядок. Перед выходом из комнаты бросила беглый взгляд в зеркало на свою особу. Стройная зеленоглазая девушка, темные длинные волосы ниспадают каскадом на спину. Льняной брючный костюм синего цвета удачно дополнила блузка с тонкой вышивкой. В этом наряде можно смело отправляться как на званый ужин в фешенебельный ресторан, так и на вечеринку в любую скромную забегаловку. Я подмигнула своему отражению и шагнула за порог.

– Женька, можно тебя кое о чем спросить? – замялся Генка на пороге квартиры.

– Ну да.

– Почему вы летающую лошадь называли «Кура»??!

– Тише ты! – Я оглянулась и хихикнула. – А то тетя Мила решит, что Геннадий Петров заразился сумасшествием. «Кура» – это курьер. Нечто вроде артефакта – помощника. Покупаешь его в лавке, активируешь. А потом он доставляет герою вещи или доспехи от главной башни, если тот далеко ушел по карте.

– Тогда понятно, – с умным видом кивнул приятель, – а я думал, ты в «танчики» режешься.

– Вы, мужики, других игр, похоже, не знаете, – снова хихикнула я.

* * *

По приезде мы с Генкой застали всю честную компанию в сборе. К моему глубочайшему удивлению, ребята выбрали для встречи детское кафе в центре, неподалеку от здания консерватории. Здесь подавали двадцать сортов мороженого, вкуснейшие пирожные и отличный чай. Центр зала был уставлен удобными круглыми столиками с креслами, вдоль стены располагались столы с уютными мягкими диванчиками. В углу зала лежал большой красочный ковер с детской мебелью, коробками игрушек и деревянными качелями в форме перевернутой радуги.

– Странно, – заявила я после общих приветствий, – всегда считала, что для мужчины лучшее пирожное – стейк или котлета.

– Нам тоже немного удивителен выбор заведения, – съехидничал Лешка, рыжий лейтенант, весельчак и балабол, – думали, посидим, как взрослые, но не тут-то было, – и покосился в сторону Василия.

Капитан сердито зыркнул на Лешку, но промолчал.

Ну, теперь все понятно. Василий слышал, что это мое любимое кафе, но сам здесь никогда не бывал. Вот, желая угодить даме, попал впросак. Дело в том, что Василий переехал в Тарасов всего пару месяцев назад. И пока не знает карты города с его увеселительными заведениями в совершенстве.

С Муромцевым мы познакомились прошлым летом в Питере, где Василий трудился опером, а я охраняла одну молодую особу и расследовала убийство нумизмата. Вот в этом расследовании мне и помогал капитан. По окончании наших приключений подопечная обрела семейные ценности на кругленькую сумму, я – моральное удовлетворение от поимки убийц, гонорар и щедрую премию, а Василий, судя по всему, ничего особо полезного. Хотя заслуживал как минимум присвоения очередного звания, ведь официально дело вел он. В общем, что там не заладилось у Муромцева в Питере, не знаю, но теперь он трудится под началом моего приятеля, Генки.

– Что же будем делать? – спросил русский парнишка, с которым я не была близко знакома.

– Учиться, учиться и учиться! Как завещал великий Ленин! – бодро выкрикнул Лешка. – Я вот тут подумал, а он не мог еще «Работать, работать, работать!» лозунгом выдвинуть? Тогда советы, может, не довели бы страну до кризиса недопроизводства.

– Не мог, – хихикнула я, – учитывая отнюдь не пролетарское происхождение Владимира Ульянова, подобный лозунг был бы начисто лишен политкорректности.

– Вот только не нужно о политике, – скривился Генка.

– Мы не о политике, больше об истории. А вообще на правах единственной дамы в компании предлагаю покинуть это милое заведение. Милое, но не совсем подходящее к тематике нашего собрания.

– И куда пойдем?

– Отсюда до проспекта Петровского рукой подать. Прогуляемся и выберем кафе, они там практически на расстоянии метра друг от друга.

– Точно! Много заведений хороших и разных.

– Даже с алкоголем попадают, – съехидничал кто-то из компании.

* * *

На улице я, чтобы утешить, взяла поникшего Василия под руку. С другой стороны, нахально оттеснив Генку, устроился Лешка, с намерением продолжить прерванный разговор.

– Нет, вы только подумайте, если бы не революция, история нашей страны могла пойти совсем по другому руслу!

– Это нам сейчас легко судить, по прошествии десятилетий, видя конечный результат, разбирая чужие ошибки, так сказать. Думаю, тогдашние революционные деятели были уверены в своей правоте.

– Да, – мечтательно закатил глаза Лешка, – жалко, что машину времени еще не изобрели. Вот бы махнуть и все изменить.

– Алексей, это изобретение привело бы к коллапсу.

– Почему, интересно знать? – изумился лейтенант.

– Мало ли, кто что захочет изменить? Ну вот ты, например, судьбу России. А я...

– Евгения отправилась бы в средневековую Европу, сколотила бы там небольшую армию и стала воительницей. Грозной и прекрасной завоевательницей, – язвительно заявил Генка, идущий немного позади всей компании.

– Совершенно не прельщает, – отрезала я, бросив лукавый взгляд через плечо. – Лучше Америка, лет так за пять до ее открытия Колумбом. А то и за три года. Думаю, за это время я успела бы подготовить наивных индейцев к вторжению коварных европейцев. Это спасло бы целую нацию от истребления и, разумеется, навсегда изменило историю не только обеих Америк, но и Европы. Да и остальных стран обязательно коснулось. Ведь в нашем мире все взаимосвязано.

– Я как-то не думал об этом в таком ключе. Действительно, одно изменение, пусть к лучшему, повлечет за собой цепь событий, а значит, может привести к коллапсу.

– Да, я уже не говорю о том, что мы, перемещаясь, принесем с собой вирусы, новые и сильные. И можем спровоцировать ряд страшных эпидемий. Ведь иммунная система людей, живших столетие назад, значительно слабее, чем у современных. Я уже не говорю о Средневековье.

– А вы не слишком увлеклись фантазиями? – снова съехидничал Генка.

– Кстати, о фантазиях: новый фильм видели? Там через портал монстры прут на Землю, а люди с ними сражаются внутри таких громадных дроидов.

– Давно посмотрела, люблю новинки кино отслеживать. Правда, последнее время производители редко радуют.

– Погоди, – удивился Лешка, – как давно? Он только вышел! В «нете» еще даже экранки не появились.

– Плохо ты, Алексей, знаешь Евгению. Она способна провернуть любую авантюру, лишь бы заполучить диск с еще не вышедшим на экраны фильмом первой, – с многозначительной миной бросил реплику Генка.

– Да, усилия себя не оправдали. Слабоват фильмец и ляпов тьма.

– Я ничего такого не заметил. Какие ляпы? Когда?

– Рассказать могу, но должна предупредить, это заразно и смотреть спокойно фильм, по крайней мере этот, ты больше не сможешь, будешь несоответствия и глупые ляпы выискивать.

– Да ладно, мне уже интересно.

– Уже даже и мне, – вставил, улыбаясь, Василий.

Так, неспешно шагая по проспекту и болтая о разной ерунде, мы облюбовали небольшое уютное кафе. Уселись вокруг двух сдвинутых столов. Сделали заказ, немного потанцевали, выпили. Отметили и наступающий праздник, и удачно завершенное дело. Генка весь вечер держался демократично и несколько отстраненно. Единственный раз напомнил всей компании, что он им начальник, когда взял слово, поздравил и заверил, что в скором времени всех его подчиненных ожидают премии, а некоторых повышение в звании.

Народ одобрительно загалдел. А подвыпивший Лешка выкрикнул, что все наоборот: это они ожидают премий и званий, притом всегда и с нетерпением!

Я внимательно присмотрелась к приятелю. В шуме общего застолья, при веселых и радостных выкриках, стало еще более заметно, что Генку что-то беспокоит. Не нравится мне это. Нужно будет поговорить с ним по окончании праздника.

Но осуществить намерение мне в этот вечер не удалось. С каждым новым тостом приятель все больше мрачнел, отстранялся, хмурился и думал о чем-то своем. А потом и вовсе отошел на приличное расстояние от шумной компании, отвечая на телефонный звонок. Я мысленно перебирала возможные причины загадочного поведения старого друга, а заодно прикидывала, кто может звонить Генке в столь поздний час.

Танцую с Муромцевым последний медленный танец, я не выдержала:

– Вась, теряюсь в догадках, может, ты что подскажешь...

– Насчет чего? – насторожился Василий.

– В управлении все нормально? Может, неприятности какие?

– Дело раскрыли, начальник хвалил и повально всем премии обещал, ну ты слышала.

– А что тогда шеф такой хмурый?

Василий уставился на меня долгим задумчивым взглядом.

– А это обязательно? Говорить о шефе сейчас, когда мы танцуем? Я так ждал этого вечера, строил планы, хотел, чтобы все прошло идеально, – выдал наконец капитан тираду ревнивым тоном.

– Вась, прости, – извинилась я, – просто я беспокоюсь. Думаю, вечер отлично удался. А то, что ты промахнулся с выбором кафе, – глупые мелочи, поохмят немного и забудут.

– Да, им еще не приелась шутка о моем карьерном росте, а тут повод для новой подкинул.

– Ты говоришь о переводе из Питера в Тарасов?

Василий молча кивнул.

– Им просто непонятно, как можно променять Северную столицу на провинцию. Но я думаю, ты правильно поступил. Не знаю, какие были причины для принятия такого решения, но человек сам вправе выбирать, где и с кем ему работать. И потом, Тарасов очень приятный город, со временем, когда лучше узнаешь, ты его полюбишь.

– Вот-вот, они тоже намекают, что здесь замешана любовь, – буркнул Василий, – а шеф, он и вправду какой-то смурной сегодня. Но я не знаю почему, может, ревнует? – выдвинул капитан гениальную версию.

– Глупости не говори. Нет, Генка чем-то серьезно озабочен, – нахмурила я брови.

– Знаешь, Женя, я, когда увидел тебя при первой встрече, сразу подумал...

– «Это явились мои неприятности» – помню, помню, – засмеялась я.

– Нет, я подумал, что передо мной самая прекрасная и таинственная девушка на свете. И чем лучше я тебя узнавал, тем больше понимал, что девушка ох как непроста и не даст приблизиться к своим тайнам.

– Вась, не фантазируй! Какие еще тайны? Я вся открыта как на ладони.

– Вот-вот, так обычно и говорят люди, которые представляют собой нескончаемую голололомку.

Я в ответ раздраженно пожала плечами. Нравится выдумывать разную ерунду, потом верить в нее – пожалуйста. Мешать не буду.

Василий насупился и замолчал. Музыка тем временем закончилась. Я оглянулась, компания потихоньку распадалась. Кто-то собирался уходить, кто-то уже ушел. Лешка, красный как рак, бубнил по телефону слова оправдания. Видимо, выяснял отношения с девушкой. Генка вышел на улицу. Через просторные окна было видно, что он закончил разговор по телефону и закурил сигарету. Помахал на прощание сотрудникам, покинувшим заведение первыми, и продолжил курить, мрачно разглядывая носки своих ботинок.

– Время позднее, пожалуй, пора домой, нужно такси вызвать.

– Женя, может, позволишь тебя проводить? – с надеждой заглянул Василий мне в глаза.

– Будешь охранять в пути? – насмешливо улыбнулась я. – Или желаешь проследить, чтобы никто не напал на девушку в подъезде?

– Как с тобой сложно, – фыркнул капитан. – Позволь хотя бы такси вызвать.

Болтая, мы вышли на улицу, подошли поближе к Генке, я достала сигарету и закурила.

– Чем это ты здесь занимаешься? – весело окликнула я приятеля.

– Разглядываю звездное небо, – отшутился Генка.

– Евгения домой собирается. Такси через пять минут будет, – доложил Василий одновременно и мне и приятелю.

– Да, уже пора. Мы с тобой сейчас посадим Евгению в такси, пойдем в заведение, расплатимся, выпьем на посошок и по домам.

– Ага.

– Слышишь, Женька, тут поступило одно дельное предложение. Как ты относишься к тому, чтобы пойти работать в наше ведомство, под начало твоего покорного слуги? Как думаешь, Вася, возьмем к себе Евгению?

– Это что, шутка такая? – немного опешила я.

– Ну, как посмотреть, может, и не шутка. Сама посуди: у нас форма, карьерный рост, премии бывают иногда.

– Ты еще соцпакет вспомни, – буркнула я.

– Да, соцпакет, кстати, льготы. Сама подумай, бросишь свою работу, полную постоянного, зачастую неоправданного риска, и к нам с Василием под теплое крылышко и дружескую опеку.

– Даже не знаю, что сказать, чтобы никого не обидеть. А столь гениальная идея в чью светлую голову пришла? – попробовала я прощупать почву.

– Пусть это пока останется загадкой, – напустил таинственности приятель.

Я перевела взгляд на Василия. Тот недоумевающе пожал плечами. Генка закурил вторую сигарету, выпустил струйку дыма, поднял вверх глаза, изображая задумчивость.

– Ладно, мальчики, пока. Спасибо за прекрасный вечер. И за неожиданное предложение тоже, разумеется. Но время позднее, а у меня завтра рано утром посещение тира запланировано, так что позвольте откланяться. – Я запрыгнула в подъехавшее такси, назвала водителю адрес и откинулась на заднее сиденье.

По моему лицу блуждала тихая улыбка. Генка совершенно не умеет хранить секреты, по крайней мере от меня. Помнится, во времена нашей совместной учебы в Ворошиловке приятель, желая что-то скрыть, делал то же самое. Закатывал глаза и пялился с умным видом в небо так долго, как хватало сил. А потом выдавал очередную тайну со скоростью строчащего пулемета. Так же будет и в этот раз. Ничего страшного не произойдет, если я подожду до завтра. Нужно будет после тренировки в тире пригласить Генку в кафе. Все равно собиралась поговорить с ним. Нашего бравого полковника что-то серьезно беспокоит. Может, у него неприятности и понадобится моя помощь? Сам он никогда не попросит, но зачем еще нужны друзья?

* * *

Обычно я обхожусь без будильника. Просто встаю в шесть утра по привычке, выработанной годами. За время учебы мой организм привык справляться с постоянными физическими нагрузками. А также легко переносить недостаток сна, если приходится поздно ложиться и рано вставать или вообще не спать по несколько суток кряду.

Звонок телефона выдернул меня из глубокой фазы сна; наверное, поэтому я не сразу сообразила, что происходит.

– Алло.

– Простите за слишком поздний звонок, видимо, я разбудил вас. – Собеседник говорил на английском языке с йоркширским акцентом.

Я бросила взгляд на часы – два часа ночи.

– Скорее уж ранний. Слушаю вас внимательно. – Я тоже перешла на английский, благо знаю его в совершенстве.

– Это Евгения Охотникова?

– Да. С кем имею честь?

– Женя, это Майк! Я муж вашей подруги, Ольги. Вы гостили у нас пару лет назад.

– Привет, Майк, – запоздало поздоровалась я, – прости, не узнала тебя спросонья.

– Да, здравствуй, Евгения. Это я виноват, разнервничался, закрутился, забыл о разнице во времени. У нас одиннадцать вечера.

– А у нас два часа ночи.

– Прости еще раз.

– Ничего страшного.

– Женя, в нашей семье случилось несчастье. Просто кошмар, наваждение какое-то! При странных обстоятельствах погибла моя мать, Мари!

– Боже, какой ужас! Прими мои соболезнования, – вошла я в образовавшуюся паузу.

– Спасибо. Страшнее всего, что Ольга... она в тюрьме! И я ума не приложу, что делать!

– Что?! Как? Почему в тюрьме?!

– Ее подозревают в убийстве моей матери!

– Боже, дикость какая! Майк, надеюсь, ты сам в это не веришь? Ольга просто не способна никого обидеть, не то что убить!

– Да, конечно, я тоже не думаю, что Оля причастна к смерти моей матери. Но полицейские, они другого мнения... Стоп! – сам себя перебил Майк. – Я сейчас не о том хотел поговорить. Я нанял для Ольги адвоката, самого лучшего из тех, кого могу себе позволить. Но она настаивала, чтобы я позвонил тебе и попросил приехать к нам. В Англию. Что ты скажешь на мое предложение? Понимаю, что твое время дорого, и готов подписать контракт.

– Майк, о чем ты говоришь? – возмутилась я. – Оля моя подруга, и я никогда не брошу ее в беде.

– Значит, ты согласна приехать в Саутгемптон?

– Разумеется, согласна.

– Тогда я забронирую для тебя билет на ближайший рейс до Лондона. И после этого перезвоню. А потом, когда приедешь, расскажу обо всем происшедшем с возможными подробностями. И отвечу на все твои вопросы.

– Хорошо. Буду ждать звонка.

Майк попрощался и отключился, а я продолжала, лежа в кровати, сжимать в руке телефон. Просто в голове не укладывается. С Олей мы дружны много лет. Вместе воспитывались в Ворошиловке, военном учреждении закрытого типа. В котором негласно готовили боевиков экстра-класса. Меня туда отдал отец-генерал, всю жизнь мечтавший о сыне. А Олю, насколько я знаю, «пристроила» ее бабушка. Так вот, педагоги частенько ругали подружку за излишнюю мягкотелость, добрый нрав и отсутствие необходимой жесткости. Самым страшным испытанием для Оли был спарринг на тренировке. Она, прежде чем ударить соперника, зажимала глаза и шептала: «Прости». Помнится, подруга даже была на грани отчисления, но потом каким-то чудом взяла себя в руки и сдала все нужные нормативы.

Правда, боевика экстра-класса из Оли все же не вышло. Зато в Ворошиловке качественно преподавались иностранные языки, здесь подруга преуспела, была лучшей на курсе. После окончания учебы она уехала в Москву работать переводчиком. Руководители крупной международной компании, имевшей филиалы по всему миру, увидев Олино резюме, настолько заинтересовались сотрудником такой высокой квалификации, что сразу предложили выгодный контракт, ведомственную квартиру, даже оплатили переезд. К тому времени Олина бабушка умерла, родителей подружка лишилась еще раньше, так что в Тарасове ее ничего не держало.

Проработав в столице чуть меньше года, Оля познакомилась с Майком. Приятный, образованный, обходительный молодой человек молниеносно вскружил голову моей подружке. Оля – хрупкая блондинка с громадными серыми глазами, правильными чертами лица и фарфоровой кожей, тоже оставила значительный след в сердце Майка. Они полюбили друг друга и вскоре поженились. Майк на момент знакомства руководил одним из европейских филиалов той же фирмы, где трудилась Оля. Сразу после свадьбы молодые уехали жить в Вену. А еще через пару лет, после рождения первенца, Майку предложили возглавить филиал в Англии.

Сейчас семейство Ландри проживает в уютном двухэтажном коттедже в городке Саутгемптон. Это неподалеку от Лондона. Растят сына Алекса и маленькую дочь Анику. До сегодняшнего дня я считала, что жизнь подруги легка и безоблачна. Ольга занимается домом, растит детей. Причем в этом ей помогают няня, горничная и повар. Ухаживает за своей внешностью и отчаянно скучает. В общем, ведет жизнь обычной европейской домохозяйки. С Мари, матерью Майка, у Оли сложились теплые, доверительные, почти дружеские отношения. В гостеприимном доме семьи Ландри для свекрови была отведена комната, где она частенько гостила, приезжая из Лондона. И я просто ума не приложу, что должно было произойти, чтобы женщины поссорились, не говоря уже об убийстве. Нет, это какое-то чудовищное недоразумение. Здесь может быть замешано как предвзятое отношение полиции, так и неправильно истолкованное стечение обстоятельств. В таком деле, как убийство, нельзя полагаться на волю случая. Нужно отправляться в дорогу как можно скорее и самой во всем разобраться.

С этой мыслью я поднялась наконец с постели – все равно заснуть уже не смогу и принялась упаковывать дорожную сумку. Бросила тонкий свитер и серый брючный костюм, купленный недавно в Париже. Джинсы, смену белья, водолазку, футболку, на всякий случай прибавила пару светлых рубашек – вдруг придется изображать деловую леди. Добавила еще кое-что необходимое из одежды.

Пожалуй, достаточно, можно обдумать вопрос профессиональной экипировки. Я повертела в руках верный револьвер, вздохнула и положила обратно в сейф. Если путешествуешь самолетом, лучше отказаться от перевозки личного оружия. Слишком много формальностей и бюрократических преград придется обойти. Это съедает массу времени и стоит определенных усилий и нервных затрат. На этот раз обойдусь любимым набором звездочек и ножей из высокотехнологичного пластика, привезенных несколько лет назад из командировки в Японию. Ведь я всего лишь еду выручать подругу, попавшую в неприятности, и не планирую масштабных боевых действий. В конце концов, если мне понадобится оружие в Англии, найду способ его достать на месте.

В небольшой дорожный несессер я упаковала косметику, на всякий случай два парика и набор цветных контактных линз. А также миниатюрный прибор для выявления прослушивающих устройств. За этим увлекательным занятием меня застала тетя Мила, заглянувшая в комнату.

– Доброе утро, Женечка, я зашла узнать, чего бы тебе хотелось на завтрак, – с самым невинным видом поинтересовалась тетушка. – Ты ведь поедешь сегодня в тир с утра?

– Доброе утро, тетя Мил, – я чмокнула тетушку в щеку, – ты у меня такая заботливая, – широко улыбнулась, – но мне совершенно все равно, что съесть на завтрак. Пожалуй, ограничусь кофе с тостами.

– Это никуда не годится! Ведь обычно ты пропадаешь на своих стрельбах до обеда. Значит, нужен полноценный завтрак.

– Тир на сегодня отменяется. И пробежка с тренировкой тоже. Срочно собираюсь в дорогу.

– Как? Опять работа? Почему мне ничего не говоришь? А я думала, мы поболтаем неспешно за завтраком, и ты мне все расскажешь...

Так-так-так, вот тетушка и выдала свои истинные намерения. Вчера вечером я слишком поздно вернулась домой. Тетя Мила, разумеется, слышала, что поход в кафе планируется в мужской компании. Видимо, изначально она собиралась дожидаться моего возвращения, но, не выдержав, уснула. По крайней мере, я застала тетушку крепко спящей в гостиной. Теперь тетя Мила жаждала подробного отчета о проведенном вечере.

– Конечно, расскажу, сейчас позавтракаем с тобой и поболтаем.

Мы прошли на кухню. Я поставила на плиту чайник, запихнула в тостер хлеб, достала из холодильника масло и джем. Тетя Мила, благополучно забывшая, что пять минут назад предлагала племяннице приготовить здоровый завтрак, села за стол, сложила перед собой руки и замерла в ожидании рассказа.

– Отлично отдохнули, повеселились, отпраздновали успех. Сидели в кафе, знаешь, что на углу Петровского и Лихачева. Кухня там хорошая, алкоголь сертифицированный. Если кто и перебрал, думаю, выживет. В кафе меня привез Генка, «фольк» остался на стоянке, притом я выпила, поэтому домой приехала на такси. Водитель вежливый, корректный, добралась без приключений.

– Как?! – подпрыгнула на стуле тетушка. – Тебя никто не проводил?! Поражаюсь нравам нынешней молодежи! Это же неприлично! Одна, на такси!

– Я современная эмансипированная девушка и не нуждаюсь ни в чьей опеке, – строго заявила я, мысленно улыбаясь.

– Но как же так, – страдала тетушка, – неужели тебе никто не понравился?

– Почему не понравился? В Генкином отделе работают отличные ребята. Мы чудесно время провели. Правда, думаю, некоторые мальчишки могли бы привезти с собой жен или подруг. На этом корпоративе явно не хватало дам, но, очевидно, им виднее.

– Ничего не понимаю. Этот твой приятель, Гена, ведь ухаживал за тобой! Думаю, что он мог бы действовать немного активнее.

Я молча пожала плечами.

– Или, как его, новенький у них, Василий из Питера! Ты, Женечка, очень нравишься этому молодому человеку! Сама видела, когда он заезжал за вами с Линой пару месяцев назад!

Я снова пожала плечами, широко ухмыляясь:

– Современные молодые люди такие нерешительные.

Тетя Мила вспомнила эпизод из операции, проведенной совместно с полицией. Действительно, тогда мы с Василием проводили вместе много времени. Некоторые общие знакомые считают, что капитан в меня тайно влюблен. Но Василий всегда ведет себя очень корректно и не допускает никаких намеков на чувства, особенно с тех пор, как познакомился и подружился с Генкой. Правильно, я тоже считаю, что крепкая мужская дружба стоит сотни ветреных девиц.

Пока я, размышляя, ухмылялась, тетя Мила вспомнила, что ее племянница собирается в дорогу, – судя по упакованным сумкам, дальнюю.

– Женечка, а куда ты едешь? Появилась работа? Ты вроде бы отдохнуть планировала.

– Вот как раз и отдохну, вернее, развеюсь, сменю обстановку. Я, тетя Мила, отправляюсь в Англию, в Саутгемптон. Рано утром звонил Майк. Он закажет мне билет, у Ольги неприятности, просит приехать.

– Оленька?! Как деточки ее? И что такого страшного могло произойти? У них там так тихо, спокойно. Британские власти преступность практически искоренили. Мне Вера Михайловна рассказывала, ее сын уехал в Йорк работать по контракту...

– Теть Мил, погибла Мари, мать Майка. Ольгу арестовали, ее обвиняют в убийстве свекрови, – неожиданно прервала я поток полезной информации.

– Шутишь, что ли? Твои шутки порою бывают такими дикими...

– Нет, все очень серьезно.

– Женя, я не могу поверить, Оленька такая добрая, нежная девушка! Как они могли подумать, что она способна убить? Произошло жуткое недоразумение!

– Совершенно согласна с тобой. Вот и хочу сама во всем разобраться.

Из спальни раздался звонок сотового, я рванула на звук. Майк сообщал, что ближайший рейс до Лондона сегодня в три часа дня по местному времени. Осуществляется компанией Трансаэро. Он забронировал и оплатил мой билет. Получить проездной документ можно в аэропорту Тарасова, только приехать нужно минут за сорок до начала регистрации. Я поблагодарила Майка. Он заверил, что обязательно приедет в Лондон к прибытию моего рейса, чтобы встретить и как можно скорее посвятить в подробности трагичного происшествия.

* * *

До вылета, если учесть предстоящие формальности, осталось не так уж и много времени. Я попрощалась с тетей Милой, обещала звонить, писать, сообщать все новости. Добраться до аэропорта решила на «фольке», а потом оставить его на охраняемой стоянке, так будет удобнее и сейчас, и на обратном пути.

По дороге вспомнила о своем вчерашнем намерении поговорить по душам с приятелем. Как ни печально, придется отложить беседу до лучших времен. Совершенно нет времени разбираться, что в последние дни беспокоит Генку. Немного поразмыслив, я все же набрала номер полковника Петрова. Кратко сообщила, что уезжаю за границу и что у нашей давней подруги серьезные неприятности. Гена, как и тетя Мила, выказал уверенность в невиновности Ольги.

И в том, что я сумею разобраться с этим страшным недоразумением. Пожелал удачной дороги, велел звонить, особенно если понадобится помощь.

После беседы с приятелем меня не покидало странное чувство. Кажется, Генка испытал явное облегчение, когда услышал, что я уезжаю срочно и далеко. Может, показалось? Но долго раздумывать над этим не было времени, я занялась оформлением бумаг, регистрацией и другими хлопотами, связанными с вылетом.

Во время полета я разглядывала пассажиров, лениво, не разбирая вкуса, жевала предложенный обед, пыталась читать купленный в аэропорту журнал, даже, кажется, дремала, откинувшись в кресле. Все эти действия я проделала как в тумане, ни на минуту не переставая думать о подруге. Что могло произойти в доме Ландри? Какие были обстоятельства? Кто присутствовал при трагедии? И главное, почему во всем обвинили Ольгу?

Из-за разницы в часовых поясах казалось, что на дорогу ушло совсем немного времени. В шестнадцать тридцать самолет приземлился в лондонском аэропорту Хитроу. Майка я увидела среди встречающих сразу после выхода из терминала. Мы обменялись приветствиями, получили багаж. Не сговариваясь, избегали говорить о происшествии или Ольге, пока не оказались в машине. И даже потом, петляя по оживленным улицам Лондона, Майк хранил молчание, и я не решалась его прервать.

– Еще раз прими мои соболезнования по поводу смерти матери, – выдавила я, когда серебристый «Бентли» Майка выехал на прямую, как стрела, автостраду. – Если тебе сложно говорить и вести машину, я могу сесть за руль, – предложила я.

– Этой дорогой я каждый день езжу на работу и обратно. Иногда кажется, что мой железный конь протоптал здесь невидимую колею, и не заблудится сам, если я вдруг перестану участвовать в управлении. За соболезнования спасибо. А говорить обо всем мне сложно, поверь. Но лучше сделать это сейчас, в машине. Не хочу, чтобы дети лишний раз слышали. Дети или прислуга. Знаешь, Женя, кажется, они шепчутся у меня за спиной, бросают косые взгляды. Я даже хотел рассчитать их всех разом, но потом сдержался.

– Правильно сделал, – одобрила я. – Если есть за что, уволить успеешь. Но торопиться с этим не надо.

– Да. Начну, пожалуй. Мама приехала к нам в пятницу днем. Они с Ольгой и детьми гуляли в городском парке, вечером пили чай с пирожными в кафе. Мама, как обычно, осталась погостить на выходные. В субботу меня вызвали на работу после обеда. Я уехал, рассчитывая вернуться через пару часов, но задержался до позднего вечера. Когда пришел, дом был битком набит полицейскими, а тело матери уже увезли в морг. Что произошло, не знаю. Говорят, полицию вызвали соседи. Сначала они слышали громкие крики двух женщин, очень похожие на ссору. Потом жуткий вопль Ольги. Прибегавшие на шум соседи, семейная пара, увидели маму, лежащую на полу в прихожей, у основания лестницы, ведущей на второй этаж. Под ее головой растекалась кровавая лужа. Над ней стояла Ольга. Руки ее были в крови, она стояла над телом моей мамы бледная, дрожащая, с вытаращенными глазами. Ольга не могла объяснить, что произошло, просто говорила, что ничего не помнит. В доме больше никого не было. У горничной по субботам всегда выходной. Повар отпросился на юбилей родителей, уехал в пятницу. Дети с няней еще не вернулись с прогулки. В доме не было никаких следов борьбы, беспорядка, других доказательств нападения грабителей или присутствия посторонних.

– Расскажи мне, как вы провели утро субботы, ничего не опускай.

– Как провели? Как обычно. Проснулись, позавтракали все вместе.

– Кто готовил завтрак?

– Ольга, няня ей помогала, кажется, накрывала на стол. Какое значение могут иметь эти подробности?

– Пока не знаю. Но ты сам подумай: в доме произошла трагедия, свидетелей нет. Вот я и хочу знать точно, что случилось тем утром. Может, были неожиданные визиты или необычные звонки. Как вели себя обе женщины, вспомни, между ними наблюдалось какое-то напряжение?

– Нет, все было как обычно. Ни визитов, ни звонков. И вели себя все как всегда. За завтраком смеялись, шутили, хвалили русские блины, что испекла Ольга. Потом я уехал в Лондон.

– Когда задержали Ольгу?

– Тем же вечером. После показаний соседей о криках, ссоре. Ей уже предъявили обвинение в убийстве. Ольга ведет себя странно: с адвокатом общаться отказывается, показаний не дает, просит срочно вызвать Евгению Охотникову.

– Оперативно работает ваша полиция. Думаю, они хватаются за соломинку и других подозреваемых, кроме Ольги, у них нет. А с няней ты пытался поговорить?

– Она очень испугана, плачет, бормочет, что не знает ничего. Нэнси уверяет, что увела детей гулять сразу после моего отъезда. Гуляли долго – парк, детская площадка, кафе. Когда пришли домой, там были полицейские.

– Плачет?! – Не слишком ли бурная реакция, подумалось мне. – А сколько ей лет?

– Нэнси Холд девятнадцать лет. Она исполнительная девушка, хорошо ладит с детьми. – Майк сердито хмыкнул. – Мисс Холд боится, что скандал в нашей семье повредит ее профессиональной репутации и ее не возьмут служить ни в один приличный дом. По крайней мере, рекомендациями моей жены она не сможет воспользоваться.

– Как прагматично. Майк, ты ведь не будешь возражать, если я сама расспрошу Нэнси, остальную прислугу и соседей?

– Конечно, нет, делай все, что нужно.

– Важнее всего сейчас поговорить с Ольгой. Возможно, она сможет все прояснить. Ты пытался?

– Она в шоке, расстроена и не захотела меня видеть. Нет, с Ольгой общался только наш адвокат. Но тебя она ждет, значит, согласится поговорить.

Я пробормотала слова утешения, какие смогла подобрать, хотя что в такой ситуации может утешить?

* * *

В уютном коттедже семьи Ландри ничего не изменилось с моего предыдущего визита, разве что отделку в гостиной освежили и сменили мягкую мебель. Майк помог отнести сумку в отведенную мне комнату. Ту же, в которой я останавливалась в прошлый раз.

– Ужин через сорок минут. Оставлю тебя одну, наверно, захочешь освежиться с дороги.

– Спасибо. Майк, не будешь возражать, если я после ужина осмотрю комнату Мари?

– Мама всегда занимала спальню здесь же, на втором этаже, это угловая комната, чуть дальше по коридору. Можешь не спрашивать моего разрешения, делай все, что нужно.

За ужином царило напряженное молчание. Даже дети, проникшись настроением взрослых, не щебетали как обычно. Алекс, насупившись, гонял по тарелке кусочек стейка с зеленым горошком и практически ничего не ел. Аника жевала манную кашу и настороженно стреляла по сторонам темно-серыми, как у матери, глазками.

– Где мама? Когда она придет? – прошептала девочка на ухо няне.

– Тише, солнышко, – одернула та ребенка и виновато покосилась в нашу с Майком сторону.

Наконец тягостная трапеза закончилась. Майк, сославшись на усталость, удалился в свою комнату. Я прошла в детскую, немного поболтала с малышами. Почитала Анике ее любимую сказку про Золушку. Нэнси мое присутствие в детской явно тяготило. Видимо, она ожидала

расспросов и, кажется, страшилась их. Я намеренно не приставала к няне сейчас. Пусть привыкнет ко мне, немного расслабится.

Разговор с поваром и горничной тоже можно немного отложить. Тем более, насколько я помню, постоянно в доме проживала только Нэнси. Остальная прислуга была приходящей, и сейчас они должны собираться домой. Наконец няня стала готовить детей ко сну, я ушла, чтобы не мешать им укладываться.

Гостиная, центральный холл, столовая и кухня находились на первом этаже, остальное пространство занимали подсобные помещения. Все спальни, детская, малый холл и гостевые комнаты располагались на втором этаже дома. Я спустилась в холл к основанию лестницы, подошла к входной двери, развернулась, огляделась. Круглая просторная комната с высокими потолками, огромной люстрой в центре, витражными окнами. Практически всю ее занимала удобная широкая лестница, ведущая на второй этаж. Ее перила заканчивались немного выше, для безопасности огораживая часть малого холла. Под лестницей три двери: узкая кладовка с хозяйственными принадлежностями и две гардеробные комнаты. Меньший овальный холл на втором этаже освещался настенными бра и небольшими оконцами в крыше. У основания лестницы наверху стояли цветы в огромных напольных вазах. Из малого холла в разные стороны расходилось два коридора, и небольшая витая лестница вела наверх. Там, в мансардном помещении, был оборудован зимний сад, из которого можно попасть на широкую открытую лоджию. В теплое время года здесь стояла легкая плетеная мебель: стол, кресла, крытые садовые качели, тут было множество цветов, лианы и пальмы в огромных горшках. Помнится, Ольга называла это место «мой оазис». И проводила здесь все свободное время. В хорошую погоду прислуга часто накрывала чай или завтрак наверху.

Я вспоминала все детали, продолжая стоять у входной двери. И пыталась представить, что же могло произойти. На самом деле вариантов немного: Мари могла скатиться по ступенькам лестницы или упасть, перевалившись через перила со второго этажа. Высота здесь большая, для летального исхода вполне достаточно. А что конкретно случилось, предположить, не зная точного положения тела и характера травм, сложно. Я присела на корточки, чтобы хорошенько рассмотреть кафельный пол. Нет никаких следов, все тщательно убрано. Завтра расспрошу горничную. А пока осмотрю комнату Мари.

Просторная угловая спальня располагалась на втором этаже. Имела отдельную ванную, туалетную комнату и небольшой круглый балкончик. Я открыла дверь и выглянула наружу. Сразу представилось, как Мари, стройная, симпатичная, ухоженная женщина, выходит ранним утром на балкон. Закуривает тонкую сигару, поправляет локоны, сбившиеся за ночь, на ней небрежно запахнутый пеньюар персикового цвета. Взгляд наткнулся на пепельницу. Два окурка, одну сигару докурили до конца, другую раздавили в пепельнице, едва закурив. Мари, похоже, нервничала. Я закрыла балкон и продолжила осмотр. Комната чисто убрана, постель заправлена, накрыта покрывалом. В шкафах постельное белье, чистые полотенца, кокетливое кружевное белье. Пушистый банный халат, пеньюары, белый и персиковый, пара костюмов, платье-коктейль висят на плечиках. Обилие косметики в ванной говорило о том, что Мари частый гость в доме сына и невестки, впрочем, я и так об этом знала.

Осмотр тумбочек, журнального столика и письменного стола тоже не дал ничего особого. Деловых бумаг Мари здесь не держала. Как современная европейская женщина, следила за модой и любила читать дамские журналы. Взгляд упал на сумочку. Нагнеть, так до конца: я вытряхнула содержимое на кровать. Расческа, помада, пудра, флакон духов, салфетки, ключи от квартиры. В кошельке права, кредитки и немного наличности. Мобильный телефон отсутствует, впрочем, его мог взять Майк.

«Сама не знаю, что рассчитывала здесь обнаружить», – думала я, покидая помещение. При этом в подсознании плескалось ощущение, что комнату не просто убрали, а избавились от всех вещей, которые могли пролить свет на личность, мысли, чувства, настроение Мари.

Например, ежедневник или записная книжка отсутствовали. В общем, имеем в активе лишь нервно раздавленную сигару. Негусто.

Перед сном я, как обещала, написала по сообщению тете Миле и Генке, доложила, что нормально добралась и больше новостей нет.

* * *

Проснувшись я рано, не столько следуя привычке, сколько испытывая непрерывное беспокойство за судьбу подруги. Спустилась на кухню выпить кофе с тостами, спланировать день. И столкнулась с Майком.

– Доброе утро, Евгения, как спалось?

– Доброе утро, беспокойно. Ты, я смотрю, тоже на ногах уже.

– Да, с некоторых пор страдаю бессонницей. Вертелся в постели, вертелся. Понимаю, что повар придет только через час, все равно не выдержал, спустился. Чаю хоть выпить. Никакая еда не лезет.

– Я вчера забыла спросить: Олю держат в лондонском отделении или здесь, в Саутгемптоне?

– Должны были перевезти в Лондон, но пока оставили здесь. У нас одно отделение в центре, напротив южного входа в парк. Там же и камеры временного содержания. Если хочешь, собирайся, я завезу тебя по дороге на работу.

Майк включил электрический чайник, я занялась приготовлением тостов. Через пять минут импровизированный завтрак был готов.

– Прекрасно помню ваш город, во время прошлого моего визита Оля показала мне здесь каждый уголок. Если торопишься, то я доберусь одна, пройду пешком, ведь это совсем рядом.

– Может, мой порыв покажется тебе эгоистичным, но все свободное время я стараюсь проводить на работе. Немного помогает отвлечься.

– Если помогает, что тут плохого, – пожала я плечами.

* * *

Несмотря на раннюю весну, городок Саутгемптон светился чистотой, все вокруг блестело и дышало размеренным комфортом. Настоящие английские газоны радовали глаз. Фасады домов и дорожки, украшенные вазонами, пестрели ранними весенними цветами.

К зданию полицейского участка я добралась в два счета. И тут начались трудности. Новость о странной гибели Мари Ландри произвела в тихом спокойном городке эффект разорвавшейся бомбы. Ко времени моего появления в Саутгемптоне новость обросла слухами и кровавыми подробностями. Ольга из подозреваемой в глазах обывателей превратилась в преступницу – кровожадного монстра. Тем более что чопорные англичане, видимо, никогда не забывали о русском происхождении миссис Ландри. Глава местной полиции поскорее договорился о переводе заключенной в Лондон, а тем временем вознамерился никого к ней не пускать, что совершенно не вязалось с моими планами.

Все это я успела понять и продумать, сидя возле дежурного в ожидании его начальства. Десятью минутами ранее я вбежала в полицейский участок, развернула листок бумаги и сбивчиво, коверкая слова, изображая сильнейший акцент, прочитала:

– Здравствуйте. Я прилетела из России. Хочу видеть свою сестру, Ольгу Ландри.

– Что нужно этой девице? – недоуменно спросил дежурный у другого полицейского, стоящего чуть в стороне со стопкой бумаг.

Тот пожал плечами.

– Здравствуйте! Я прилетела из России! Хочу видеть свою сестру, Ольгу Ландри! – снова повторила я, глядя на листок бумаги, немного поднажав с тоном.

– Ничего не понимаю, что говорит эта девица, – пробормотал дежурный, изображая полную растерянность.

– Здравствуйте!!! Я прилетела из России!!! Хочу видеть свою сестру, Ольгу Ландри!!! – почти прокричала я. Снова заглянула в листок бумаги. – Где ваш шеф?!! Когда придет?!! – И для колорита добавила на русском: – Что же это творится?!! Хуже, чем дома, никто ни за что не отвечает!!!

Теперь мне осталось только присесть на указанную дежурным лавочку и тихонько слушать, как он, сам того не понимая, сообщает мне о существующем положении дел и настроениях в обществе. Сначала дежурный ворчал про себя. Потом, после недолгих размышлений, позвонил начальству. Сообщил, что в участке скандалит очень красивая и не менее наглая девица. Родственница «этой русской преступницы». И запросил дальнейшие инструкции. Начальник отделения, видимо, сам был на подходе, городок-то маленький. Реплика про «красивую девицу» его заинтересовала, он заявил, что скоро будет.

– Шеф велел ждать, – чуть ли не по слогам выдал дежурный то, что я уже слышала.

Вошедшего начальника отделения я узнала по преданному взгляду дежурного, устремленному в сторону двери. И молниеносно бросилась шефу наперерез. Он на ходу скороговоркой проговорил:

– Свидания с заключенной запрещены до ее перевода в Лондон.

– Я прилетела из России!! Хочу видеть свою сестру Ольгу Ландри!! – выкрикнула я набившую оскомину фразу. Правда, сейчас на чистейшем английском, с легким уэльским акцентом.

Дежурный уставился на меня, немного приоткрыв рот от напряжения. Фраза та же, а звучит совсем по-другому. А мне совершенно надоело ломать комедию.

– Если мне сию минуту не предоставят полноценное свидание с сестрой, я покажу вам, как умеют скандалить «эти наглые русские»! От вашего занюханного городка вместе с полицейским участком не останется камня на камне! Я еще посмотрю, в каких условиях содержится моя бедная девочка! Знаем, знаем! Наслышаны о пропитанных сыростью пыточных камерах, уходящих своими необозримыми лестницами в Темзу! – кричала я, как на митинге. – Позвольте напомнить, что Ольга Ландри не осужденная, а всего лишь подозреваемая! И никто не вправе лишать ее свидания с родными, – закончила я свою гневную, немного сбивчивую тираду.

– Какие пытки, вы о чем? – пробормотал шеф отделения. – Я просто не хотел лишнего шума, только и всего.

– Если меня не пропустят, я обещаю устроить скандал вселенского масштаба. И начну с департамента полиции в Лондоне.

– Миссис Ландри сама отказывалась от свиданий, – выложил последний козырь начальник.

– Скажите, что приехала Евгения Охотникова, она меня ждет.

Шеф отделения тяжело вздохнул, кивнул дежурному, тот приставил ко мне жандарма. В общем, бюрократическое колесо закрутилось. Жандарм выдал мне временный пропуск, потом немного подумал и сам проводил в комнату для свиданий. Куда через пару минут другой полицейский привел Ольгу.

Подружка выглядела исхудавшей и усталой. Фарфоровая кожа стала матово-бледной, глаза ввалились, нос заострился. Мы молча обнялись, Ольга всхлипнула у меня на плече.

– Ну, ну, держись, дорогая, я с тобой!

– Обниматься не разрешается! – выкрикнул пристав. Вытянулся по струнке в углу комнаты, посмотрел отсутствующим взглядом перед собой, намекая, что намерен находиться во время свидания здесь.

– Женя, ты приехала! – Ольга снова всхлипнула, разжала объятия.

– Я тут поскандалила немного, так что за нами будут наблюдать, – кивнула в сторону полицейского.

Мы устроились в жестких креслах напротив друг друга по обе стороны от безликого письменного стола.

– Ты приехала! – словно не веря, повторила Ольга.

– Конечно, друзей в беде не бросают.

– Женя, ты ведь pomoжешь? Вытащи меня отсюда! Я с ума схожу от страха, не сплю вторые сутки. – Подружка нервно оглянулась.

– Не думаю, что он нас слушает, вернее, скорее всего, не понимает русский язык. Так что опасаться нечего. Оля, ты можешь мне спокойно и подробно рассказать, что произошло? Чтобы помочь, я должна быть в курсе всех обстоятельств.

– Вытащи меня из тюрьмы. – Глаза подружки нервно блеснули.

– Так. Для начала успокойся! Я обязательно помогу, верь в это! Вместе мы преодолеем любые препятствия и устраним угрозу. Если нужно, задействую все свои связи. Только пообещай, что будешь есть, спать и перестанешь себя изводить, так и до нервного срыва недалеко. Посмотри на себя! Кожа серая, под глазами синяки в пол-лица, это никуда не годится. И еще, тебе придется сделать усилие. Сосредоточься и расскажи мне, что произошло.

– Женя, понимаешь, весь ужас в том, что я не помню! В голове временной провал, как черная дыра. А мне никто не верит!

– Так, давай по порядку. Твои отношения с Мари всегда были хорошими, ровными. Или как? Может, между вами зрела неприязнь, тщательно завуалированная от посторонних?

– Да мы никогда слова грубого, неласкового друг другу не сказали! В ту субботу все было как обычно. Мари приехала накануне, в пятницу, осталась на выходные. После завтрака Майк уехал в офис. Нэнси с детьми ушла гулять. Мы с Мари мирно пили чай с тостами наверху. Вот буквально только что дышали свежим воздухом и болтали, вот я уже стою на первом этаже, у входной двери над остывающим телом свекрови.

– Только без паники. Мы во всем разберемся. Свидетели видели, что твои руки были в крови.

– Это зафиксировано и в протоколе полиции. Но я не помню! Может, наклонилась проверить пульс на шее и случайно испачкалась?

– Тело Мари лежало прямо у основания лестницы или дальше?

– Примерно в центре комнаты. Я уже думала: она могла там оказаться, и если скатилась с лестницы, и если свалилась сверху, через перила, – пробормотала подружка.

– Ладно, не буду больше тебя терзать. Поговорю об этом с экспертами. Тебя сегодня переводят в Лондон. Знаешь?

– Да. Майк нанял адвоката по уголовным делам, Эндрю Райт его зовут. Адвокат сообщил вчера. Мистер Райт будет меня сопровождать.

– Тогда я его дождусь. Распорядись, чтобы Райт предоставил мне доступ ко всем материалам дела. Экспертизы, протоколы, свидетельские показания, всю имеющуюся информацию, мне нужно лично изучить.

– Хорошо. Женя, это еще не все. Я собиралась тебе звонить раньше, до трагической гибели Мари. За мной следят какие-то люди. И я очень боюсь и за себя, и за Майка с детьми.

– Слежка, здесь? Как долго это происходит?

– Точно не могу сказать, европейские домохозяйки ведут беззаботный образ жизни, – хмуро усмехнулась подружка. – Замечать стала примерно с неделю назад. И здесь, и в Лондоне. Водят довольно профессионально. Так что со временем начала слежки могу и ошибиться.

– Так. Есть соображения? – Меня не оставляло ощущение, что Ольга не слишком удивлена и очень испугана.

– Я думаю, что в этом деле замешана старая семейная тайна. Но предпочла бы здесь, – она обвела глазами помещение, – ничего не обсуждать.

– Оля, как думаешь, люди, следившие за тобой, могут быть причастны к гибели Мари?

– Не знаю, – вымолвила подружка и начала бледнеть.

– Давай только без паники! Я рядом с твоими родными, ни с Майком, ни с детьми ничего не случится. Сначала вытащим тебя из тюрьмы, потом вместе разберемся со всеми тайнами.

Я попрощалась с подругой, и конвойный увел ее в камеру. В ожидании адвоката пришлось немного задержаться в полицейском участке. Зато я раздобыла все материалы по делу Ольги. Узнала, в каком полицейском участке Лондона будет содержаться заключенная, а также имя судебного следователя, который будет вести ее дело.

* * *

Уставившись на листы бумаги, я бездумно помешивала ложечкой чай с молоком. Отщипнув кусочек от ароматной свежее испеченной булочки с корицей, отправила его в рот и проглотила, практически не различая вкуса.

Перечитывая протоколы допроса свидетелей и выводы коронера, я изо всех сил искала, за что можно зацепиться.

Полицейский коронер пришел к выводу, что Мари погибла от падения с высоты. Произведя вскрытие, эксперты обнаружили у нее две травмы, не совместимые с жизнью. Перелом шейных позвонков и перелом теменной кости. Такие травмы можно получить, если упасть, например, через перила второго этажа. Или при падении с лестницы, если она достаточно высока.

А вот сама Мари упала или ее толкнула Ольга – непонятно. Судебный следователь уверил себя, что виновата Ольга, так как соседи слышали ссору двух женщин, а миссис Ландри никак не оправдывает себя. Судя по всему, в амнезию он не верит.

– Местные леди предпочитают пить чай в гостиной, столовой, на худой конец в собственной спальне. Кухня – это как-то не комильфо, – вывел меня из задумчивости строгий голос, – а читать при этом бумаги... Вы же не сможете оценить мою чудную выпечку.

Я изумленно моргнула и подняла глаза. Передо мной стоял упитанный седой мужчина невысокого роста и улыбался.

– Булочки восхитительные. – Я улыбнулась в ответ. – Вы повар. И судя по акценту...

– Бельгиец. Меня все называют месье Жиль.

– Охотникова Евгения, – представилась я, – приятно познакомиться. Когда я гостила здесь, мы не встречались.

– Был в отпуске, навещал родню, – отвесил мужчина шуточный поклон, – но я наслышан о вас, Евгения. Оленька, наша милая хозяйка, часто вспоминает родину и ваши совместные детские проделки.

– Месье Жиль, не хотите выпить со мной чаю? – сделала я приглашающий жест.

– Пить чай на кухне, да еще с прислугой! Леди, где вас воспитывали? – строго проговорил повар, глаза его при этом искрились смехом.

– В казарме, – легко обронила я, – не обращайтесь внимания.

Мы дружно рассмеялись.

Через пять минут мы пили чай с булочками и непринужденно болтали так, будто были знакомы всю жизнь. Документы я отложила в сторону, чтобы не портить окончательно репутацию «леди».

Как я и предполагала, месье Жиль был в курсе всех событий, происходящих в доме Ландри. А также в курсе симпатий, антипатий и подводных течений, бурлящих в семье.

– Я тебе так скажу, – повар отечески похлопал меня по руке, – в недобрый час угораздило к родне уехать. Пусть бы провалился этот юбилей! Уму непостижимо – обвинить леди Ольгу в убийстве! Она нежная как голубка, добрая, ласковая. За эти годы я не слышал от хозяйшки резкого слова.

– А какие у них были отношения с Мари? Соседи уверяют, что слышали громкую, бурную ссору.

– Быть такого не могло! Про Мари ничего плохого сказать не могу. Она была леди сдержанная, вежливая, разве что немного надменная. Но подумай сама, что ей было делить с невесткой? Если бы женщины не ладили или между ними тлела скрытая вражда, Мари не гостила бы здесь часто и с удовольствием. Думаю, все происшедшее – странная и нелепая случайность.

– Как же показания соседей?

– Эти чопорные англичане вечно склонны все преувеличивать. Для них весенний ливень это стихийное бедствие, а пара громких хлопков – пушечная канонада. Может, Мари громко вскрикнула, когда оступилась, или Оленька кричала от испуга, когда увидела мертвую све-кровь.

* * *

В общем и целом я разделяла мнение месье Жилия. Ольгу знаю с детства, она человек неконфликтный, Мари тоже не была похожа на скандалистку. А допустить мысль, что Ольга осознанно, по собственной воле способна причинить кому-то боль, просто невозможно. Поговорив с немолодой семейной парой, живущей в соседнем коттедже, я снова согласилась с категоричным суждением повара: свидетели относятся к определенному типу людей, склонному все вокруг преувеличивать.

Пожилая миссис большую часть свободного времени посвящала увлекательному занятию: наблюдению за соседями. Остальное время тратилось на обсуждение увиденного с мужем, флегматичным джентльменом, предпочитавшим дремать в кресле или читать прессу. Несмотря на желчность характера, пожилая леди была вынуждена признать, что раньше никогда не слышала громких звуков из дома семьи Ландри, разве что возню играющих детей. Да и в тот злополучный день, кроме нескольких резких выкриков, не слышала ничего конкретного. Но леди показалось, что кто-то определенно зовет на помощь. Поэтому она отправилась посмотреть, что происходит, и уговорила мужа ее сопровождать.

Думаю, что легко смогу вытащить подругу из тюрьмы. И хоть обстоятельства смерти Мари остаются туманными, я ни минуты не сомневаюсь в невиновности Ольги. Нужно убедить судебного следователя вызвать свидетелей на повторный допрос, а также провести психологическое освидетельствование Ольги, чтобы убедить полицейских: амнезия не предлог, не отговорка и не отказ от дачи показаний. Это случилось на фоне пережитого стресса.

Оставшуюся часть вечера я провела с детьми. Прочитала Анике английские стихи про молочницу и корову. Сыграла с Алексом пару партий в странную игру, в которой нужно ловить кольца на острую палку. Нэнси перестала меня дичиться, даже пару раз улыбнулась моим культам на лужайке, но я не торопилась с расспросами. Картину происшедшего няня не сможет прояснить, она гуляла с детьми. А если Нэнси знает что-то важное, я тоже это узнаю, чуть позже, когда девушка научится всецело доверять моей особе.

Майк, как и ожидалось, пришел довольно поздно, няня уже собиралась уводить детей в спальню. Алекс бросился к отцу и восторженно прокричал:

– Папа, папа, тетя Женья крутая! Ты бы видел, как ловко она умеет прыгать! Даже через голову и без разбега! Вперед и назад! О, я, когда немного подрасту, тоже научусь так!

– И я, – добавила Аника, блестя глазами.

– Слово «крутая» сленговое, – строго сказал отец, – юные джентльмены должны избегать подобных выражений. А юные леди никогда... – повернулся Майк к Анике. Но продолжить не успел.

– Женья тоже девочка! – выдал ребенок и насупился.

– Да. Конечно, моя дорогая. Нэнси, детям пора спать.

Я повернулась так, чтобы Майк не видел моего лица, подмигнула детям с няней, усмехаясь. Нэнси, уводя малышей, прятала робкую улыбку.

– Женья, я хотел поговорить. Пройдем в гостиную?

– Конечно. Прости, не хотела слишком баловать детей. Просто они скучают по матери и...

– Я был у нее сегодня, – прервал меня Майк.

– Был у Ольги? Уже в Лондоне? Как она?

– Я не виделся с Олей непосредственно, просто посетил полицейский участок, в который ее перевели. Меня пригласил адвокат на встречу с судебным следователем.

– Очень интересно. – Я присела на предложенный стул, Майк расположился напротив.

– Полицейские предлагают нам сделку: Ольга должна признаться в убийстве по неосторожности. Полицейский психолог напишет справку о том, что преступление было совершено в состоянии аффекта. Этот документ будет фигурировать в деле. Если при этом удастся доказать наличие смягчающих обстоятельств, срок наказания будет минимальным.

– Та-а-ак, – протянула я, не замечая, что повторяю любимое словцо друга Генки, – а что говорит Ольга?

– Она слишком подавлена происходящим и отказалась участвовать в обсуждении.

– Адвокат?

– Мистер Райт советует согласиться на сделку.

Я вопросительно подняла бровь:

– И?

– Собираюсь послушаться совета.

– Судебное право Великобритании не слишком отличается от нашего. Так что осмелюсь предположить, если ты пойдешь на эту сделку, Ольге дадут лет пять-семь тюремного заключения, – сказала я, закипая.

– Да? Пять? Так много? – мямлил нерешительно Майк.

– Это при благоприятном стечении обстоятельств. И ты всерьез считаешь ЭТО выгодной сделкой?! И твой адвокат советует согласиться?! Понимаешь, ты должен бороться! Бороться за то, чтобы твоя жена была с тобой и твоими детьми! Сражаться до последнего! Использовать любую возможность! А ты собираешься сдаться! Это просто бесхребетность!

– Но они говорят...

Майк совершенно растерялся, а я продолжала бушевать:

– Доказательства у полицейских дохлые! Мало ли, что они говорят! Как ты дела на фирме ведешь?! Всем веришь на слово и сразу принимаешь предложенные условия?! Адвокат, право слово, тоже хорош! Ты уверен, что мистер Райт специализируется на уголовных делах?! Очень сомневаюсь в его компетентности!

– Этого адвоката рекомендовали хорошие знакомые, отзывы о его работе весьма удовлетворительны.

– Значит, абсолютно незаслуженно! Ни в коем случае ни на что не соглашайся! Никаких сделок! Никаких признаний! Эдак они возьмутся и Ольгу обрабатывать, завтра утром навещу ее! И с судебным следователем тоже поговорю. А адвокат ваш, выгнать бы его взашей, но, как лицо процессуальное, мистер Райт нужен для беспрепятственного общения с Ольгой. Только, Майк, прошу тебя, настоятельно прошу: ты откажешься от предложения полиции. И не будешь принимать никаких решений, не посоветовавшись со мной. Будь добр, обещай!

– Хорошо, – окончательно растерялся под моим напором Майк, – хорошо, обещаю. Тогда со следователем поговори сама, если можно.

– Конечно. Я передам ему твой отказ. Еще тебе нужно подписать эту бумагу. – Порывшись в документах, я протянула Майку составленный пару часов назад договор о предоставлении услуг. Где написано, что мистер Ландри нанимает Евгению Охотникову для расследования обстоятельств смерти его матери. И фигурируют номер и дата выдачи моего свидетельства частного детектива, а также разрешения на ношение оружия.

– Здесь в пункте «гонорар» написано: «информация конфиденциальна».

– Так иногда делают, например, когда не желают, чтобы задавали вопросы относительно источника дохода. Финансово этот документ тебя ни к чему не обязывает. Он мне необходим для подтверждения полномочий перед адвокатом и судебным следователем.

Думаю, в Великобритании, как и у нас, полицейские очень не любят, когда в их расследование вмешиваются частные лица. Помимо предоставления полномочий этот документ отвлекает следователя от моей скромной особы. Уж я позаботилась, связавшись днем с Генкой, чтобы у местных властей ушло некоторое время на проверку моих персональных данных. Как и о том, чтобы результат проверки оказался несколько туманным и полным «засекреченных документов». В таком случае и судебный следователь, и его начальство будут опасаться ставить мне палки в колеса.

* * *

Ранним утром следующего дня я отправилась на встречу с одним психиатром, обладавшим лучшей профессиональной репутацией во всей Великобритании. Накануне вечером, после разговора с Майком, я подняла свои обширные связи. Пришлось сделать немало звонков и разбудить массу народу. Но если судебный обвинитель перешел к активным действиям, нет возможности проявлять такт и хорошее воспитание. Глубокой ночью у меня было не только имя «Генри Смит», но и адрес его лондонского офиса, а также твердое обещание, что мистер Смит получит настоятельные рекомендации от влиятельного источника: «Принять Евгению Охотникову первой, а также оказать ей максимальное содействие».

Дорога промелькнула перед моим взором, как одно размытое цветное пятно. Озабоченность судьбой подруги не давала насладиться чудным видом за окном электрички. Мозг лихорадочно выстраивал планы. План «А» основной и официальный, план «Б» на случай провала плана «А». План «С» на случай провала двух предыдущих. В конце концов я приказала себе остановиться, пока не начала планировать вооруженный штурм лондонской тюрьмы с последующим отходом в Шотландию и отлетом по поддельным документам. В страну, у которой нет экстрадиции с Великобританией; но эти размышления уже похожи на готовый план.

Кабинет мистера Смита располагался в деловом районе Лондона в фешенебельном офисном центре. Нашла я его без труда. Современный прозрачный лифт поднял меня на нужный этаж. Его шахту спроектировали снаружи здания и сделали зеркальной. Я неодобрительно хмыкнула. Впрочем, дизайн всего помещения был выполнен в модном нынче стиле, полном зеркал, стекла, прозрачных стен и блестящего металла. Мысленно я его называю «мечта снайпера», но некоторым людям нравится.

Миловидная секретарша, услышав мое имя, вскочила с места и почти вбежала в офис шефа.

– Можете пройти, – заявила она через несколько секунд, – мистер Смит ожидает вас.

Кабинет психиатра, как и приемная, был украшен огромным панорамным окном. Интересно, он и больных здесь принимает? А как же агорафобия?

– Здравствуйте, меня зовут Евгения Охотникова.

– Доброе утро. – Ухоженный, симпатичный джентльмен лет около тридцати пожал протянутую мной руку. – Присаживайтесь, – указал на стул, стоящий напротив его рабочего стола с таким расчетом, чтобы пациент не смог дотянуться до крутящегося офисного кресла психиатра. – Если честно, заинтригован, Эжени. Можно мне вас так называть?

– Конечно. Всем носителям языка романской группы сложно произносить мягкие согласные, распространенные в русском языке. А заинтригованы вы чем?

– Вашей особой, разумеется. Вот, жду с самого утра, дал секретарю распоряжение привести гостью немедленно.

– Спасибо, очень любезно.

– Со вчерашнего вечера мне звонили и просили оказать вам должный прием и всяческое содействие.

Я согласно кивнула.

– Четыре раза, – с нажимом добавил доктор, – совершенно разные по статусу и степени влияния люди.

– Не имей сто рублей, а имей сто друзей, – скромно улыбнулась я и пожала плечами.

– Что, простите?

– Много знакомых, хороших и разных, гораздо важней и полезней денег, – пояснила я русскую поговорку.

– О, полностью с вами согласен. Кстати, о деньгах: мои услуги будут для вас совершенно бесплатны.

– Но почему? – несказанно удивилась я.

– Один ваш знакомый оплатил все расходы.

– Очень странно. – Об этом я точно никого не просила. – А его имя можно узнать? Не люблю оставаться в долгу.

– К сожалению, он не представился.

Я хотела сказать, что если способ оплаты был безналичный, вычислить щедрого знакомого не составит труда, но мистер Смит продолжал:

– Да и сейчас важно не это.

– Вы совершенно правы, есть дела поважнее. Мистер Смит, можете уделить мне часть своего, без сомнения, драгоценного времени?

– Конечно, что от меня требуется?

– Провести освидетельствование моей подруги, обвиняемой в убийстве и страдающей фрагментарной амнезией.

– Я должен подтвердить этот диагноз? – несколько напрягся доктор.

– Не рискну предложить ничего, что могло бы навредить вашей безупречной репутации. Обследование должно быть максимально прозрачным. Единственная просьба – я первая должна узнать о результатах.

– Это вполне приемлемо.

– Спасибо, мистер Смит. Если можно, оправимся в участок прямо сейчас, а в подробности происшедшего в доме Ландри посвящу вас по дороге.

Несмотря на наличие нужных документов и репутацию Генри Смита, к Ольге нам удалось пробиться ближе к полудню. Такая потеря времени могла обернуться катастрофическими

последствиями. Я очень нервничала и уповала только на то, что подруга верит, безоговорочно верит в мою помощь. И не станет опрометчиво принимать необдуманных решений.

Результатов освидетельствования мы с адвокатом ожидали в отдельной комнате полицейского участка. Немногим ранее я, не сдержавшись, говорила с мистером Райтом в несколько резком тоне. Даже, как давеча в разговоре с Майком, обвинила адвоката в некомпетентности. Поэтому господин Эндрю, надувшись, сидел в углу, всем своим видом демонстрируя презрение к нахальной девице, посмеявшей его, признанного специалиста, не только учить работать, но и тыкать как нашкодившего кота в ошибки носом.

Наконец Генри Смит закончил свою работу. Нас всех собрали в кабинете судебного следователя, включая адвоката, коронера, государственного обвинителя и пару полицейских, не представленных мне. Пришлось немного побороться с некоторыми вышеперечисленными чиновниками за право находиться на этом обсуждении. Перед началом заседания я успела обменяться двумя короткими фразами с мистером Смитом, так что, идя ва-банк, ничем не рисковала. Чтобы страсти немного улеглись, я попросила предоставить первое слово имениннику психиатру.

Для начала перечислив свои заслуги и звания, дабы никто не усомнился в его компетентности, мистер Смит заявил:

– Проведя освидетельствование обвиняемой, я пришел к выводу, что фрагментарную амнезию Ольга Ландри не симулирует. Пациентка выдает адекватные реакции, полностью вменяема и не представляет угрозы для окружающих. Если учесть отсутствие провалов памяти прежде, как и травм головного мозга, должен сделать вывод: амнезия миссис Ландри является локальной и возникшей на фоне пережитого стресса. Все положенные в этом случае бумаги я готов выслать из своего офиса не позднее завтрашнего дня.

– Опираясь на этот протокол осмотра гостиной, – начала я, выудив из кипы бумаг документ, – а также на слова миссис Редсон, горничной, работающей в семье Ландри несколько лет, чьи показания, разумеется, зафиксированы в полицейских протоколах, смею заявить следующее: положение тела Мари Ландри, а также характер ее травм, повлекших смерть, таковы, что недоказуемо – упала Мари со ступеней лестницы или со второго этажа через перила у основания той же лестницы.

– Это правда, – подтвердил коронер.

– Тогда позвольте спросить, – потрясла я бумагами, – почему все выводы полицейских построены на утверждении, что Мари Ландри упала через перила?

– Не просто упала, ее толкнула Ольга Ландри, – вставил полицейский следователь.

– Конечно, именно это вы утверждаете. Но никто не ответил на мой вопрос. Почему именно падение через перила? – Я сделала небольшую паузу. – Тогда я сама отвечаю. Господа полицейские пошли по пути наименьшего сопротивления. Падения с лестницы чаще всего бывают случайными. Для желающих возразить сразу замечу, что это статистическая закономерность, можете проверить. Так вот, Мари могла оступиться, поскользнуться, просто потерять равновесие наверху лестницы, то есть, вероятнее всего, упала сама.

– А если это все-таки было падение через перила?

– В этом случае возможны два варианта развития событий: случайное падение – например, Мари оперлась на перила и у нее закружилась голова или потянулась за чем-то и не удержалась. Или ее толкнула Ольга.

– Вот видите, вы сами это утверждаете, – нетерпеливо выкрикнул кто-то из полицейских.

– Нет, это утверждаете вы! Причем нагло подтасовываете факты, делая выводы без доказательной основы. Продолжу, с вашего позволения, – с нажимом сказала я. – Обвинение основывается на отказе Ольги давать показания. И развивает целую теорию, процитирую часть обвинительного акта: «Миссис Ландри категорически отказывается сотрудничать со следствием. Не сообщает обстоятельств происшествия. Не приводит доводов или аргумен-

тов в свою защиту. Проявляет подозрительную скрытность, значит, миссис Ландри есть что скрывать». Позволю себе заметить, что каждому человеку есть что скрывать, даже автору этих строк, – прокомментировала я. Кто-то из полицейских хихикнул в кулак, а я продолжила: – Как вы слышали ранее, Генри Смит свидетельствует о несостоятельности этой теории.

– Свидетельствую, – подал голос психиатр со своего места.

– Спасибо, – кивнула я, – с вашего позволения, продолжу. Обвинение основывается на ссоре между двумя женщинами, такой сильной, что ее слышали соседи. Побеседовав с пожилой семейной парой, я выяснила, что леди, несомненно впечатленная увиденным, так сказать, под влиянием момента, несколько преувеличила масштаб событий. Соседка слышала несколько резких выкриков, но не может сказать о них ничего конкретного, не только не берется утверждать, о чем была ссора, но и не уверена, ссора ли это была вообще. Например, это мог быть крик о помощи падающей женщины или, наоборот, крик леди, нашедшей тело свекрови. Или оба этих крика. Свидетельница готова скорректировать свои показания. Добавлю также, что остальные свидетели, повар и горничная, работающие в семье Ландри, знакомые с обстановкой и атмосферой этого дома, утверждают, что Мари и Ольга Ландри никогда не ссорились! Между ними не возникало размолвок, обе женщины никогда не сказали друг другу ни единого грубого слова. Наоборот, Мари часто и с удовольствием гостила в доме сына и невестки, о чем свидетельствуют не только вышеупомянутые люди, но и наличие среди гостевых комнат дома личной спальни Мари, в которой до сих пор хранятся ее вещи и предметы туалета, в чем господа полицейские могли убедиться сами при осмотре дома. Позволю себе сделать вывод из всего вышесказанного: у Ольги Ландри не было мотива для убийства свекрови. И у господ полицейских нет ни одного веского довода в подтверждение вины клиентки мистера Эндрю Райта.

При моих последних словах взоры всех присутствующих обратились на адвоката. Мужчины загалдели как-то все разом, пожелав высказаться.

Я понимала, что это победа, но для полноты картины не хватало легкого штришка.

– Господа, прошу еще секундочку внимания! Позволю себе заметить, что на долю семейства Ландри уже выпали серьезные испытания. Без сомнения, членам семьи предстоит череда потрясений в виде скорбного ритуала похорон и поминок. Поэтому настоятельно прошу не затягивать с вынесением вердикта.

– Конечно, как только мне представят обещанные бумаги и будут вызваны все свидетели, госпожа Ландри будет свободна. То есть не позже завтрашнего дня, – заявил судебный обвинитель, глядя то на меня, то на адвоката. – Поверьте, я умею достойно проигрывать.

Пока все присутствующие не разошлись, я подошла к мистеру Райту и протянула ему руку.

– Позвольте поздравить вас. Несмотря на некоторые разногласия, что были между нами до сегодняшнего дня, искренне восхищаюсь вашей блестящей работой. И еще раз прошу принять мои поздравления, мистер Райт.

– Спасибо, – ошарашенно пробормотал адвокат.

А психиатр едва слышно хмыкнул, отвернувшись и прикрыв рот рукой. Затем стремительно пересек комнату и взял меня под руку, уводя в сторону от толпы. Похоже, он единственный среди присутствующих оценил мой пассаж.

– Несколько грубовато. Не находите, Эжени? – Глаза Генри смеялись.

– Завтра он мне поверит. Через неделю будет считать комплимент вполне заслуженным. Через год – что он своей находчивостью спас безнадежное дело. А когда мистеру Райту исполнится семьдесят, он станет рассказывать внукам историю, как героически спас от виселицы прекрасную леди, – стараясь, чтобы никто из посторонних меня не услышал, заявила я, хихикая.

– Так и рождаются легенды, – громко рассмеялся мистер Смит.

Хорошо, что в этот момент мы выходили из участка. Я отвечала хитрой улыбкой.

– Вы мне определенно нравитесь, Эжени. Очень надеюсь пообщаться с вами снова, когда наши общие дела будут закончены.

– Если я задержусь в Лондоне, с удовольствием, – просто ответила я.

– Позвольте спросить.

– Да.

– Зачем?! Зачем вы поздравляли его? Зачем прилюдно, позволю себе заметить, изящно отдали все лавры?

– Мне не нужны лавры. Я пришла на помощь близкому человеку, Ольга больше чем подруга, она мне как сестра. А мистер Райт... обычно я стараюсь без особой надобности не оставлять после общения со своей особой разгневанных, озлобленных или обиженных людей.

– Чтобы в случае крайней нужды был лишний друг?

– Мистеру Райту не грозит стать моим другом, в этом смысле я очень избирательна. Несмотря на это, друзья у меня имеются.

– О, в этом я успел убедиться. Эжени, вы меня не только заинтриговали, а очень впечатлили. Вы относитесь к тому редкому сейчас типу людей, что умеют достойно выигрывать. И, пообщавшись с вами, хочется стать вашим другом или поклонником.

– Спасибо за комплимент.

– Завтра утром я лично привезу в участок необходимые документы. Будет лишний повод увидеться.

Я улыбнулась:

– Большое спасибо.

– И еще хочу переговорить с Ольгой, когда все закончится, конфиденциально.

– Обязательно ей передам, – заверила я, – а сейчас прошу простить меня, тороплюсь сообщить хорошую новость Майку и детям.

– Да, конечно. До завтра, Эжени.

* * *

Я действительно торопилась обрадовать всех. Ведь за судьбу Ольги искренне переживали не только муж и дети, а также повар, горничная, няня и даже соседи.

Первым делом я позвонила Майку, но, как оказалось, он уже был в курсе оптимистичных новостей. Эндрю Райт успел проинформировать своего клиента о блестяще проделанной работе. Что ж, приятно узнавать о точности своих прогнозов и характеристик.

Остаток дня я провела с детьми. Прочитала Анике сказку. Показала Алексу несколько простых приемов защиты. Пользуясь отсутствием строгого отца, научила малышей парочке традиционных русских игр. Даже организовала соревнования по перетягиванию каната, правда, для воплощения этой идеи пришлось задействовать няню и повара. Миссис Редсон участвовать в затее категорически отказалась, мотивируя свой отказ почтенным возрастом. Что не помешало ей выступить в роли толпы болельщиков, хихикая и подбадривая криками обе команды.

Немного позже мы обсудили с месье Жилем меню завтрашнего торжественного ужина в честь возвращения Ольги. С миссис Редсон и Нэнси, любезно предложившей свою помощь, решили, какими цветами украсить столовую и гостиную. А поздним вечером, после того как няня уложила детей спать, сыграли все вместе несколько партий в бридж. Майк приехал домой глубокой ночью.

* * *

Следующим утром не только я, но и все домашние, включая детей, проснулись очень рано. Я пыталась пояснить, что Ольга вернется только после обеда или даже ближе к вечеру, все без толку. И дети и прислуга находились в приподнятом настроении, в состоянии лихорадочного ожидания.

Мы с Майком отправились в Лондон в полицейский участок. Я некоторое время молча присматривалась к мужу Ольги. Немного настораживало странное настроение, в котором пребывал Майк. Все закончилось, вроде бы нужно радоваться, не хандрить. Хотя, может, я преувеличиваю, парень недавно потерял мать, вот и расстроен.

Потом в суете, хлопотах и улаживании различных бюрократических формальностей по освобождению Ольги я перестала об этом думать. Наконец, все было закончено, следовательно объявил, что с миссис Ландри сняты все обвинения и она может быть сво бодна.

Пока мы с Олей обнимались, обмениваясь короткими радостными репликами, мистер Райт отозвал Майка в сторону. Я по давней привычке ничего не упускать наострила уши.

– Дело об убийстве вашей матери закрыто. Вернее, переквалифицировано в несчастный случай и закрыто за отсутствием состава преступления.

– Хорошо, спасибо. – Майк пожал адвокату руку.

– Осталось уладить небольшие формальности с документами, и можно забирать тело из морга для похорон.

– Похороны? – растерянно пробормотал Майк. – Я об этом совсем не думал...

Я легонько толкнула подругу в бок и подвела к говорящим мужчинам.

– Я помогу с организацией похорон.

– А я улажу все вопросы с документами, – поддержал меня адвокат.

– Спасибо, мистер Райт, – благодарно кивнула я.

Майк остался обсудить с адвокатом некоторые детали, а мы решили выйти на свежий воздух. В фойе участка нас подждал Генри Смит.

– Оля, этот джентльмен приложил массу усилий для твоего освобождения. – Я подвела подружку к психиатру.

– Да, понимаю, большое спасибо.

– Не стоит благодарности. Это заслуга Эжени. Я подждал вас, леди, хотел попрощаться. И сказать несколько слов мадам Ландри, если возможно, наедине.

– У меня нет секретов от Евгении. – Подруга нервно вцепилась в мою руку.

– Хорошо, как будет угодно. Меня кое-что насторожило в состоянии вашей психики.

– Я ненормальная? – Оля стала стремительно бледнеть. – Так и знала, провалы в памяти это первый шаг к психушке.

– Тихо, спокойно, твоя нервная система несколько взвинчена, отдохнешь немного, и все будет в порядке, – сказала я.

– Простите, не хотел напугать вас. Ничего страшного не случилось. Просто меня насторожили некоторые реакции. Просматриваются своеобразные блоки. Но я провел поверхностное обследование. Точнее можно сказать, если немного вас понаблюдать, хотя бы несколько сеансов.

– Но это необязательно? – снова напряглась Ольга.

– Настоятельно рекомендую, – сделал упор на первом слове психиатр.

– Хорошо, – решила я взять ситуацию под свой контроль, – мы обещаем подумать. Ольга отдохнет, оправится от пережитого, решит свои семейные проблемы, и мы свяжемся с вами, мистер Смит.

– Для вас просто Генри.

– Спасибо, Генри. Номер вашего телефона и адрес офиса я помню.

Наконец мы со всеми попрощались и отправились в Саутгемптон к нетерпеливо ожидающим нашего приезда домашним.

* * *

Следующие несколько дней прошли в подготовке к похоронам Мари и поминкам. Сначала я засобиравалась домой, считая свою миссию выполненной. Но Ольга слезно просила меня остаться. Немного понаблюдав за поведением подруги, я поняла, что это не просто расшатавшиеся нервы, ее что-то серьезно беспокоит. Олю продолжали мучить кошмары, несколько раз она громко кричала во сне, пугая домашних. Подруга чахла на глазах. Теперь мне казалось, что при свидании в тюрьме она выглядела гораздо лучше, чем сейчас.

Солнечным мартовским днем мы отправились в парк. Нэнси с детьми расположились на детской площадке. Мы с Олей облюбовали небольшое летнее кафе. Столик выбрали с таким расчетом, чтобы не терять их из виду, но никто не мог услышать наш разговор. Заказали холодный чай и очень популярные в Англии маленькие миндальные пирожные.

– Оленька, я понимаю, ты испугалась. Тут и горе от потери свекрови, и страх перед осуждением. Стресс пережила огромный. Но нужно оправляться, брать себя в руки, так же нельзя. Ладно, Майк взрослый, ты детей пугаешь.

– Не могу взять себя в руки, не выходит, Женька, мне страшно. Постоянно, круглосуточно, я испытываю всепоглощающий ужас. – Оля нервно оглянулась. – Даже сейчас... Они следят за мной, – прошептала она после небольшой паузы.

– Неправда! – твердо заявила я. – Я проверяла постоянно, с того момента как ты в разговоре обронила слово «водят». Никакой слежки. Да и раньше, ты же знаешь, я никогда не теряла бдительности.

– Значит, смерть Мари или мой арест их спугнули. Но, поверь, слежка была! Они нашли меня! А я наивно полагала, что все закончилось! Что же делать?! Что же теперь делать?! Теперь мы все в опасности: я, Майк, дети и ты! Должна предупредить, что, помогая мне, ты очень рискуешь! – Подруга так сжала высокий стакан, в котором подали чай, что побелели костяшки пальцев.

В первые несколько секунд Олиной тирады я вспомнила о Генри Смите и его предупреждениях. Оно-то понятно, все психиатры в глубине души считают, что нет здоровых людей, есть недообследованные. Подруга пережила стресс, но повредиться в уме она не могла, не хочу верить в такое. С другой стороны, слежка, опасности, тайны. Что про Ольгу я могу не знать? Мы же выросли вместе.

– Так, во-первых, разожми пальцы, сейчас стакан лопнет. Давай, сделай глубокий вдох и медленно, очень медленно выдохни! – Оля послушалась. – Хорошо. Давай еще раз и еще! Хорошо. Приступ панической атаки мы остановили. Теперь давай спокойно и с самого начала. «Они» – это кто?

– Представители серьезной организации, – неожиданно совершенно спокойно сказала Оля.

– Организации какого рода?

– Помнишь, кто негласно курировал наше учебное заведение?

– Да ладно!

– Именно!

– Что им от тебя может быть нужно? – усомнилась я.

– Понимаю, такое заявление требует пояснений. Иначе ты примешь меня за сумасшедшую. Видела, в твоих глазах уже промелькнуло нечто вроде опасения. Но это долгий рассказ.

– Погода отличная, дети гуляют под присмотром, времени у нас обеих вагон, так что начинай.

– Не знаю, с чего...

– С главного: что им от тебя нужно?

– Старинная семейная драгоценность, я храню ее со дня смерти бабушки, как и тайну, которую узнала незадолго до того.

– Драгоценность? Сомнительно, что одна вещица, пусть и очень дорогая, стоит таких усилий, слежки в течение десятилетий.

– Все по порядку. Как ты помнишь, я потеряла родителей в возрасте двух лет и воспитывалась бабушкой. Бабуля всегда очень боялась за мою безопасность и, как только я немного подросла, задействовала все связи, чтобы пристроить внучку в Ворошиловку. Она надеялась, что в этом заведении меня научат, как постоять за себя. А еще бабуля часто любила повторять: «Драгоценное яйцо лучше всего прятать в корзинке, среди похожих яиц. Желательно в той, что расположена поближе к врагу». Но я тогда не понимала смысла этой фразы, а в ответ на расспросы бабушка только хихикала. За полгода до окончания учебы я осиротела окончательно.

– Да, помню, ты уезжала дней на десять, пришла телеграмма, что у тети Маши инфаркт.

– Я провела с бабушкой ее последние дни, потом занималась похоронами. А вначале, как только приехала, застала бабулю без сознания. В бреду она все время повторяла: «Они ее искали. Они ее нашли». Перед смертью, казалось, бабуле стало лучше, она полностью пришла в себя и рассказала все о семейной тайне, которую хранила многие годы. Ее мама Галина, моя прабабушка, происходила из богатой купеческой семьи. До революции они жили в Питере. Иван, отец Галины, быстро сообразил, что после дворянских погромов новые власти начнут трясти всех обеспеченных людей. Поэтому он быстренько сосватал дочь за своего помощника, молодого амбициозного парня подходящего, пролетарского, происхождения. И выделив юной семье часть денег, отправил жить в провинцию, в город Тарасов. Там в это время было гораздо спокойнее, чем в Питере. Купец планировал таким же способом спасти от жерновов революции обоих сыновей: женить, сменить фамилии и, выделив денег, отослать жить в небольшие города. Но не успел, погиб вскорости вместе с женой. Братья Галины сгинули во время Гражданской войны, один погиб, другой вроде бы пропал без вести. Галина прожила со своим мужем хоть и короткую, но счастливую жизнь. Жили хорошо, не бедствовали, но старались ничем не выделяться из общей массы. Муж был очень осторожный, продуманно и медленно тратил выделенные тестем деньги. Бабушка говорила, что ее отец с дедом были очень близки по духу. Дед относился к зятю как к родному сыну. Тот отвечал преданностью и любовью, он всю жизнь сокрушался, что не спас тестя. Но выполнил данную ему при отъезде клятву – сберечь единственную дочь.

Купец Иван был человеком грамотным, продумывал каждый шаг. Капитал нажил самостоятельно и честно и терять его не собирался. До революции, хоть и жил богато, не устраивал загулов, не пил, не кутил, любовниц не заводил, в карты не играл, богатством не кичился.

– То есть совершенно не соответствовал образу купца, растиражированному советским кинематографом? – ухмыльнулась я.

– Точно. Основной капитал прадед держал в золотых монетах и драгоценностях. Он рассказал зятю, что спрятал все далеко и надежно. Самое главное, прадед оставил зятю ключ к поиску сокровищ на случай, если с ним что-то случится. Бабушка Маша думала, что ключ существовал не один, например, у братьев Галины тоже могли быть такие же ключи – подсказки.

– Ключ в прямом смысле слова? Как золотой ключик?

– Нет. Это старинная семейная драгоценность: брошь черного серебра с опалом.

– Скажи, а твой прадед, отец бабушки, сам не пытался клад найти?

– Нет. Бабушка думала, что он знал примерное место, но боялся ехать в Питер. Всю жизнь трясся от страха. В Тарасове никто не знал, чья Галина дочь, и муж ее надеялся, что так будет и дальше. Думаю, он знал или подозревал, кто приложил руку к гибели Ивана.

– Возможно. Могли слухи дойти, а мог и справки потихоньку наводить.

– Отец бабушки Маши сам погиб довольно молодым, лет в тридцать пять. Не знаю подробностей, какая-то авария на производстве. А мама, Галина, дожила до глубокой старости и рассказала дочери о броши перед самой смертью. Завещала беречь и скрывать от посторонних глаз.

– И она же рассказала бабушке Маше про клад?

– Только то, что знала сама: сокровища существовали и были спрятаны в городе на Неве. А брошь являлась ключом. А еще она предупредила, что за вещицей могут охотиться.

– Бабушка Маша брошку спрятала, как было велено, но в рассказ о кладе не поверила. Посчитала все это старческими фантазиями. Шли годы, подросла дочь Марина, моя мама. – Внезапно Ольга замолчала, смахнула набежавшие слезы.

– Если это слишком тяжело для тебя, можем отложить рассказ.

– Продолжу, здесь нас сложно подслушать, когда еще случай представится. Мама выросла, вышла замуж, родилась я. Все это время брошку она открыто носила, не подозревая об опасности, правда, считала вещицей довольно дорогой, берегла, надевала только по торжественным случаям. Однажды мама надела украшение на празднование Первого мая. У них на заводе прошло торжественное собрание с вручением наград и премий, потом парад, как это было тогда заведено. Затем всем коллективом гуляли в ресторане. На брошь обратила внимание сотрудница, мама не удержалась, похвасталась, что это настоящая старинная драгоценность. Приятельница усомнилась, они поспорили. И на следующий день решили отнести украшение в скупку. Чтобы оценить, якобы желая продать.

– Поступок глупый, если вещь искали.

– Да. Но бабуля не предупредила маму о возможной опасности. Она и в скупку пошла, никому не сказав о споре. По словам мамы, оценщик повел себя странно. Долго рассматривал брошь в лупу, потом листал какой-то каталог или альбом. Потом заявил, что дает за вещицу тысячу рублей. Мама с подругой растерялись: девушки не ожидали, что прозвучит такая крупная по тем временам сумма. И ведь на самом деле брошь продавать никто не собирался. Мама отказалась. Оценщик повел себя еще более странно: сразу увеличил сумму до двух тысяч, все время вытирал потеющий лоб сильно трясущимися руками. Когда мама твердо потребовала свою вещь назад, ювелир стал спрашивать ее адрес и настоятельно предлагать номер своего телефона, вдруг они передумают. Телефон мама взяла, но адрес сообщать не стала, по крайней мере, она так рассказала бабушке. И тут бабуля испугалась не на шутку, сразу вспомнила предостережения матери, но было поздно. Родители разбились на машине через день после похода в скупку. Перед смертью бабуля покалась, что винит себя в их гибели.

– Почему она сразу связала аварию с брош кой? Это могло быть простым совпадением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.